

БОРТОВСКИЙ Н. Я. — в ЦКП СССР

БОРТОВСКИЙ Николай Яковлевич. Священник, служил в церкви села Борщаговка Киевской области. В начале 1927 — арестован, 29 апреля приговорен к 3 годам ссылки и отправлен к Кзыл-Орду.

В сентябре 1928 — обратился с прошением к председателю ЦКП СССР.

<5 сентября 1928>

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦКП СССР
копию — ВУЦИКу СССР и ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГПУ СССР

Административно ссыльного
в Кзыл-Орду (Казахстан)
БОРТОВСКОГО Николая Яковлевича

ПРОСЬБА О ПОМИЛОВАНИИ

Постановлением Особого Совещания ГПУ СССР от 29-го апреля 1927 года я выслан с места своего жительства в г<ороде> Киеве в Казахстан сроком на три года и ныне нахожусь в г<ороде> Кзыл-Орде. И до настоящего времени мне в точности неизвестно сущность падающих на меня обвинений или подозрений, вины же за собой никакой перед Советской властью я не чувствую. Ясно мне лишь одно, что пострадал я от недобросовестных доносов прихожан Автокефальной Украинской церкви в с<еле> Братской Борщаговке (под Киевом), где я состоял священником Славянского прихода, причем, травля эта началась еще с 1925 года. Хотя ни одно из обвинений при расследовании в Киевском ГПУ, по-видимому, не подтвердилось, однако, от клеветы всегда что-нибудь остается, и на основании одних подозрений я выслан в Казахстан. Между тем эта мера не только не была заслуженной мной, но ко времени постановления ОГПУ утратила уже всякий смысл, ибо утомленный местными дразгами между разноверческими приходами, я тогда уже бесповоротно решил оставить церковные дела навсегда и всецело отдаться более близкому моей природе занятию — пению, для которого я, по отзывам компетентных лиц, обладаю первоклассными данными.

Уже в 1920 году, когда находившийся в Киеве профессор Римской консерватории Габриелли открыл во мне исключительное дарование певца-тенора, я понял, в чем заключается настоящее мое призвание, и, если оставался на приходе, то только в виду нужды и необходимости временно поддержать семью, состоящую из жены и двух малолетних детей. К этому я должен добавить, что в среде церковников я, вообще, был человеком случайным, никогда влечения к священническому сану не имел и по образованию своему к нему не готовился (я окончил коммерческ<ий> институт); стал же священником только по той причине, что после смерти отца моего, священника, семья наша уговорила меня принять его приход во избежание крайне тяжелого материального положения, в которое были поставлены мои малолетние сестры и братья. По внутреннему своему облику я не фанатик и человек не косный, способный к эволюции в сторону радикального демократизма; за время революции я убедился в том, что Советская власть ближе всех других подошла к народным массам не только как выразительница их экономических интересов, но и духовных запросов их. Пробывши в ссылке около полутора года, я многое пережил, передумал и еще более перевоспитал себя для новой жизни.

Из прилагаемых при сем удостоверений от общественных учреждений в Киеве и Кзыл-Орде можно убедиться, что я уже перешел к служению советской общественности своим голосом, отдавши этому много энергии и притом безвозмездно. О том, что может дать мое дарование Рабоче-крестьянским массам говорят представляемые мною справки высококомпетентных экспертов. Какое же влияние может иметь на дальнейшее развитие его дальнейшее пребывание мое в ссылке видно из того, что я непрерывно болею, то болезнь моих голосовых органов от вредной казахстанской пыли, то общими заболеваниями от непривычного климата, угрожающими в окончательном результате гибелью голоса.

Прошу Вас, учтя все вышесказанное, не только во имя гуманности, но и в интересах культуры, которой я уж служу своим дарованием, помиловать меня.

Благодарный за милость, полученную от рабочих и крестьян, я обещаюсь честно служить им своим дарованием, никогда не забывать одного величайш<его> лозунга Ленина: "Искусство — часть пролетарского дела".

ПРИЛОЖЕНИЯ: Справки и удостоверения на 6 листах»¹.

«Справка

Настоящим удостоверяю, что Николай Яковлевич Бортовский шесть лет тому назад передан мне в качестве ученика профессором пения Луиджи Габриелли, ныне директором консерватории в Риме. Николай Яковлевич известен мне, как певец с исключительными голосовыми данными (лирико драматический тенор), голос которого отличается величиной диапазона, не уступающий по красоте тембра, гибкостью и силой знаменитому в Европе Карузо.

Принимая во внимание талантливость и музыкальность моего ученика, считаю, что дальнейшее развитие и усовершенствование его дарования сделает в недалеком будущем весьма ценный вклад в вокальное искусство СССР. Все это было предусмотрено профессором Габриелли, который хотел взять его с собой в Рим и говорил мне, что он там создаст из него мирового певца. Но Бортовский отказался, желая оставаться на родине, и продолжал занятия у меня, и шел быстрыми шагами. Повторяю, что, если его поддержать, и дать ему закончить музыкальное образование, то <он> будет крупной гордостью нашего Союза ССР.

Профессор пения
Екатерина Николаевна Милютина-Лихачева (подпись)

г<ород> Киев. 5/IX 1928.

Вполне присоединяюсь к мнению и отзыву Е. Н. Милютиной.
М. Сикачинский, б<ывший> оперный артист
и препод<аватель> 3-й Муз<ыкальной> профшколы (подпись)

Подпись М. Н. Скачинского удостоверяю
Зав<едующий> 3-й Муз<ыкальной> профшколы (подпись)»².

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 386. С. 127. Машинопись.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 386. С. 128. Автограф.